

Ненаписанные воспоминания

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОЙ ИВАНОВНОЙ ВАГИНОВОЙ

Особый интерес у читателей в последние годы вызывали воспоминания участниц поэтической студии Н. С. Гумилёва. И. А. Одоевцевой, Н. Н. Берберовой, И. М. Напельбаум. «Неопрошенней» до сих пор оставалась, однако, ещё одна «студийка» — всегда остававшаяся верной «берегам Невы», живущая и сейчас в обессмерченных Блоком Озерах Александра Ивановна Вагинова (урождённая Федотова). Между тем её воспоминания представляют для нас особый интерес и никакими другими восполнены быть не могут. Дело в том, что, познакомившись в гумилёвском семинаре с талантливым поэтом, а в недалёком будущем и с замечательным прозаиком Константином Вагиновым, она впоследствии, в 1927 году, стала женой писателя и оставалась с ним до самой его смерти в апреле 1934 года. Немногочисленные печатные мемуары о Вагинове (Н. К. Чуковского, И. М. Напельбаум, Леонида Борисова) отрывочны и оставляют многое неясного в его судьбе и творческой деятельности. Естественно,

что наши беседы с Александрой Ивановной были в значительной мере посвящены именно этому, до сих пор неоценённому у нас по заслугам писателю. При этом мы старались не останавливаться подробно на тех вещах, которые уже достаточно хорошо известны из других источников. Текст этой, составленной на основе нескольких встреч с А. И. Вагиновой беседы имеет смысл предварить коротким рассказом-хронологией творческого пути Константина Вагинова.

Как и целая плеяда великих писателей XX столетия (Набоков, Платонов, Борхес, Хемингуэй), Константин Константинович Вагинов родился на самом исходе «золотого века» литературы — в 1899 году. За 35 лет короткой, но в творческом отношении весьма интенсивной жизни Вагинов выпустил три стихотворных сборника («Путешествие в хаос» — 1921, «Стихотворения» — 1926, «Опыты соединения слов посредством ритма» — 1931) и три романа («Козынка песнь» — 1927, «Труды и дни Свистонова» — 1929, «Бамбочада» — 1931). Не удалось издать писателю — хотя такие попытки им предпринимались — стихотворный сборник «Звукоподобие» (1930—1933). Остался неоконченным последний роман Вагинова — «Гарпагониана». Роман этот, как и значительная часть стихотворного наследия, известен только читателю русского зарубежья: «Гарпагониана» издана в 1983 году в США издательством «Ардис», там же в 1972 и 1978 годах появились стереотипные переиздания двух первых прижизненных стихотворных сборников, в 1982 году в Мюнхене вышло «Собрание стихотворений» Вагинова.

Расцвет творчества писателя пришёлся на вторую половину 1920-х — начало 1930-х годов и, следовательно, на эпоху разгула «рассловской» критики. Естественно, оно не могло получить заслуженной оценки в советской печати тех лет. Подлинное признание Вагинов имел лишь в узком литературном кругу. Так, его поэзию ещё в начале и в середине творческого пути писателя высоко оценили Гумилёв, Кузмин, Мандельштам, причём некоторые из их отзывов проникли в печать. Менее счастливая судьба постигла прозу Вагинова, выходившую уже в 1928—1931 годах, однако именно в ней по-настоящему развернулся его талант. Тесно связанный со многими модернистскими течениями «серебряного века» и первых послереволюционных лет (эгофутуризм, акмеизм, обэршу), усматривавший в Октябрьской революции прежде всего торжество восточного тоталитаризма и неспособный ввиду исторических потрясений 1920-х годов (коллективизация, преследование интеллигенции и других социально чуждых слоёв общества) на позитивное восприятие новой советской действительности, Вагинов в дальнейшем, как и многие другие писатели, был надолго вычеркнут из истории русской литературы.

Наш современный интерес ко многим писателям нередко изрядно подогревает драматизм их судьбы. В этом отношении Вагинову «не повезло». Не эмигрировавший из страны, не депрессированный и не успевший подвернуться каким-либо прочим гонениям, писатель в апреле 1934 года умер своей смертью от туберкулёза. Но творчество Вагинова не нуждается ни в подобном «подогреве», ни в каких-либо поправках на ранний уход из жизни. Оно представляет собой уникальное не только для русской, но и для европейской литературы явление и будет неизменно оценено по достоинству современным интеллектуальным читателем.

— Александра Ивановна, расскажите, пожалуйста, хотя бы коротко о вашей жизни до знакомства с Константином Константиновичем Вагиновым.

— Я родилась в Петербурге 19 марта 1902 года. Дед мой был крепостной, выигравший по билете десять тысяч золотом. Окончила гимназию Хитрово (располагалась в первой роте Измайловского полка).

После революции некоторое время работала в Трансбалте, помещавшемся в здании Мариинского дворца. Потом училась в университете. Студенткой жила в Доме искусств. Моя двоюродная сестра училась в Екатерининской гимназии вместе с управляющим Елисеевых. И после отъезда Елисеевых за границу они дали мне одну комнату в этом доме. В студию Н. С. Гумилёва я пришла, прочитав на улице объявление о наборе.

— Как произошло ваше сближение с Кон-

стантином Константиновичем? Вы мне рассказывали раньше, что когда вы встречались с ним в гумилёвской студии, вы ещё были в далёких отношениях?

— Да. Он тогда казался мне вычурным, даже не нравился. Эти его изыски в стихах мне казались какими-то нарочитыми, неискренними. Кроме Студии, тогда ещё мы с ним нигде не встречались. Он больше общался с Верой Лурье, которую вскоре её отец, инженер, увёз в Берлин. На фотографии, где все вместе участники гумилёвского семинара, он рядом с ней крайний справа в среднем ряду, а я последняя с противоположной, левой стороны. Слева направо идут я, затем какой-то литовец, который почти ничего не писал и скоро уехал, затем сёстры Фрида и Ида Наппельбаум, В. Ф. Миллер, который потом работал в Эрмитаже, Гумилёв, Наташа (фамилии не помню), Вера Лурье с Констан-

Саша Фёдорова. Конец 1910-х годов.
Публикуется впервые

тином Константиновичем. Вверху стоят Горфинкель, который страшно возмутил Гумилёва своими стихами об африканцах (Гумилёв их очень уважал), очень талантливый Петя Волков, который потом стал юристом, и Столяров. Сидят на полу Георгий Иванов и Одоевцева.

Вообще, у нас был слабый состав. Вот был К. К., и ещё подавал надежды Петя Волков. Я что-то смутно помню вроде: «Троицкий мост над широкой Невой,/Точно сутулый циклоп на карачках/Каменный бык однорогий, немой/Лёг на дороге...» Или: «Луна, как вдавленный пятиалтанный,/На небе перхоть нафталинная...» — вот такие стихи. Но всем они нравились. Петя был очень добрый, какой-то приятный, спокойный. Но он женился, и жена запретила ему вообще писать стихи.

Уже после расстрела Гумилёва мы собирались в последний раз. И вот, когда мы уже прощались, К. К. вдруг неожиданно попросил, чтобы я вышла за него замуж. А я сказала: «Нет, нам обоим ещё нужно учиться». И он вдруг заплакал. Мне стало как-то неприятно, и я сказала: «Ну, мы ведь будем ещё встречаться». И потом он начал везде ходить со мной. Куда я ни иду, он меня везде сопровождал. И так постепенно мы привыкли друг к другу.

А потом постепенно у него как-то прошла эта нарочитость в стихах и в обращении.

Я училась в университете вместе с Фридой Наппельбаум (она была на несколько курсов старше меня). Вместе со мной иногда бывал в университете и К. К. До гражданской войны он учился на юридическом факультете, а после, может быть, и хотел там восстановиться, но туда брали не всех — смотрели анкету. Когда я после окончания университета в 1924 году поступила в Институт истории искусств, К. К., кажется, уже учился там. Я поступила на искусствоведческое отделение, а он учился на словесном. Но многое он слушал вместе со мной, а на словесном больше только сдавал. К. К. ещё застал в институте графа Зубова (основателя института). — С. К.), который очень высоко его ценил. Вскоре Зубов уехал в Париж и писал оттуда К. К., что если тот приедет туда, то будет устроен там хорошо. Но К. К. об этом не думал.

Эстетику в Институте читал Болдырев, Матье преподавал египтологию. К. К. занимался там у нумизматов и был единственным его слушателем. Однажды К. К. зашёл на лекцию по истории балета, на которой присутствовал, кроме него, только один слушатель. И вот когда преподаватель начал показывать первые па и они вдвоём

Константин Вагинов. 1922 г.
Фото М. С. Наппельбаума

Студия Н. С. Гумилёва. 1921 г.

повторяли эти движения, вошёл нумизмат и увлёк К. К. на свою лекцию. К. К. мне потом об этом рассказывал, и мы очень смеялись тому, как его забрали сразу после первых па.

Мы часто встречались с К. К. в определённом месте и начинали бродить по городу. Особенно много в белые ночи. Один раз мы сидели с ним в саду Зимнего дворца. И вдруг из-под скамейки вылез какой-то мальчишка. «Ну вот, — говорит, — я вас пугаю, а вы не пугаетесь». — «А почему мы должны пугаться?» — «Дело в том, — отвечает он, — что я взрослый человек, я лилипут».

Он оказался бывшим актёром Театра лилипутов, который уже не существовал. Теперь этот лилипут работал сторожем

в Зимнем дворце. К. К. с ним разговорился, и он пригласил нас в Зимний дворец показать все редкости.

Поженились мы только весной 1927 года.

— Расскажите, пожалуйста, о родных Константина Константиновича, о его жизни до знакомства с вами.

— Насколько я понимала, отец К. К. был в охране императора. Потому что он рассказывал, как приезжал Вильгельм и устраивали балет в Петергофе. Зеркала опускали в озёра, и на них танцевали балерины для Вильгельма. Ну, просто жандармский полковник при этом не обязателен, по-моему, а, наверное, он служил в охране императора.

Родился К. К. в доме на Литейном проспекте. Номер дома точно не помню — кажется, 25. Это был их собственный дом. А рядом жил английский архитектор — кажется, королевский — Крейтон. И у него был сын Сергей Крейтон. Он был большой друг К. К. К. превозносил его доброту, говорил, что он очень красив, очень мягок. А потом он пропал. И К. К. долго его разыскивал, но нигде не мог найти. Вот у К. К. есть стихи: «В казарме умирает человек» (в стихотворении «Нет, не люблю закат. Пойдёмте дальше, Лиза» — С. К.) — это он думал о Сергееве Крейтоне, что тот где-то служит. Потом они случайно встретились, и оказалось, что Сергей действительно служит простым матросом на каком-то корабле — по-видимому, он так спасался от возможных репрессий. И К. К. спросил: «Почему ты меня избегаешь?». А тот ответил: «Ну, я простой матрос, а ты стал известным писателем. Наши дороги разошлись». До этого Крейтон прошёл через целый ад.

— Александра Ивановна, так не он ли выведен под именем Сергея К. в «Козлиной песни»?

— Да, конечно, он.

После революции родителей К. К.— пока он зоевал — переселили на Екатерининский канал, 105. Вначале они жили в первом этаже. Там было очень сыро. Младший брат К. К.— кажется, его звали Володя — там заболел туберкулёзом и вскоре умер. Он был женат на официантке, к жизни был не слишком приспособлен.

Мать К. К. была очень религиозная, вялая, запуганная — больше насчёт церкви. Потом когда умер младший брат К. К., её любимец, она каждый день ходила к нему на кладбище. Она так любила сына, что и жену его — официантку любила как родную дочь. И даже когда он умер, она всё равно о ней думала и заботилась. В общем, жизнь у неё была тяжёлая.

После наводнения в 1924 году они получили разрешение перебраться на второй этаж и жили уже в другом флигеле, выходившем окнами на консерваторию.

К отцу К. К. относился неприязненно. Тот не признавал его поэтом, не уважал всего этого, считал, что К. К. должен был заниматься правоведением. К. К. очень угнетала жестокость отца, жестокость ко всем. Отец презирал его за то, что он поэт. Считал это ерундой. У него было чисто солдатское отношение ко всему этому, очень резкое. И он, я думаю, много изменил Любови Алексеевне, а К. К.

это знал и относился к этому с презрительностью.

Старшего брата К. К. звали Алёша. Он был вначале офицером, а потом, кажется, строителем. И его К. К. тоже не пощадил. Потому что в «Козлиной песни» тот, который приходил, надевал форму и ухаживал за Наташей (Михаил Ковалёв.— С. К.), — это и есть Алёша. Костя воспринимал его как типичного солдафона. Он был очень мягкий, добрый человек, но с К. К. у него не было ничего общего.

Когда мы поженились, то жили у К. К. и его матери. Старший брат к тому времени уже женился и жил где-то отдельно. Отец получил «минус шесть» и поселился в Новгороде. Благодаря этому мы и смогли пожениться: одна комната в двухкомнатной их квартирке освободилась.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей совместной жизни с К. К.

— Я к тому времени уже служила в библиотеке Дома писателей, а К. К. проводил целые дни в редакции журнала «Звезда», в Издательстве писателей или в книжнических магазинах. В нашей семье обязанности распределялись так: готовлю я, а продукты покупает он. Очереди тогда были побольше нынешних. И вот стоя в очередях, К. К. читал какую-нибудь итальянскую книжку и так изучил итальянский язык. Потом принялся за испанский и собирался переводить Гонгору. Итальянский Петрарка, которого он читал, у меня сохранился.

В библиотеку Дома писателей меня пригласил работать Константин Александрович Федин. Я комплектовала эту библиотеку книгами из дворцов и особняков, которые стояли тогда брошенные своими хозяевами, наполовину разграбленные. Книг в них оставалось очень много, и многие были поистине драгоценны. Я собрала в библиотеку Дома писателей около 10 тысяч книг. Очень много было книг по истории гражданской войны — воспоминания всех генералов, возглавлявших белое движение. Утверждать состав библиотеки нужно было идти к матросу Рагозину. Я пришла к нему, он на меня раскричался. Велел сжечь все воспоминания белых генералов и вычеркнуть их из реестра тушью. Делать было нечего, пришлось так и сделать. Когда я опять пришла к Рагозину, оказалось, что он уже смешён с этой должности, так как запрещал брать в библиотеки и Пушкина: дескать, дворянский поэт.

В жизни К. К. также немалую роль играла его мысль о том, что нужно спасти

как можно больше книг. Отсюда его многочисленные связи с букинистами, которым он давал ценные консультации. За это при продаже любого книжного собрания К. К. получал право первым купить две выбранные им книги, после чего начиналась продажа другим. За чтением К. К. уходил в какой-то другой мир. Он был вообще очень скрытный человек, и только случайно можно было обнаружить его пристрастия, свои привязанности он хранил про себя. Больше всего на свете он любил читать. Но у него было странное отношение к книгам. Какое-то своё. Как бы вам это объяснить. Он не привыкал к таким книгам, вроде Шпенглера. А вот старинные книги — он к ним привыкал. Я понимаю так, что его интересовал старый язык. И старый мир, который все забыли, а так его можно воскресить. Вот, например, он восхищался Полициано. У него была целая стена книг. До сих пор не могу простить себе, что, за исключением немногого, все эти книги пропали. Когда мы вернулись в Ленинград из эвакуации, в нашей комнате уже жил какой-то человек с фронта. Он продал всю библиотеку К. К. и купил на эти деньги машину.

Одним из главных источников творчества К. К. была книга Уолтера Патера «Воображаемые портреты». Книгу эту, как и ещё несколько, я сохранила и продала в библиотеку ЛГУ. Идея Петербурга как четвёртого Рима отчасти связана у Вагинова с этой книгой. Он увлекался также Эдгаром По, любил читать какую-то книгу о Генрихе III. Единственное, что у меня осталось, — это итальянский Петрарка и «История Жана де Бурбона» графини д'Ольнуа. У К. К. была какая-то поваренная книга XVIII века. Я помню, что в ней значились блюда с такими причудливыми названиями, как «голуби в халате» и «голуби на рассвете». Он увлекался собиранием всяческих редкостных вещей. Коллекционирование его проистекало из убеждения в том, что через много лет вещи могут лучше всего рассказать об эпохе, в которую они были сделаны. Так, например, он считал, что очень многое можно понять по старым спичечным коробкам. Помню, у него была одна любопытная вещь — коробка из-под шоколада 80-х годов XIX века: на ней были нарисованы подушки, на которых лежала девочка, ножку девочки лизала болонка. Эти интересы отзывались потом в образах Торопуло и Пуншевича (*«Бамбочада»*, *«Гарпагониана»*), да и в *«Козлиной песни»* (Кости Ротиков). Я очень сожалею также, что у меня пропала книга, которую мне подарили Аристид Иванович Доватур и Андрей Николаевич Егунов. Это была *«Эфиопика»* Гелиодора в переводе Аристида Ивановича, а в качестве посвящения было вписано стихотворение К. К. *«Мы эллинисты здесь толпой...»* в переводе на греческий язык.

В жизни К. К. был очень внимателен, деликатен. Помню, я должна была ехать в отпуск под Лугу. И мне наш бухгалтер сказал, что сегодня нет выдачи — приходите завтра. А назавтра я же должна была ехать. И я пришла в отчаяние, но К. К. побежал и достал где-то денег, так что я могла ехать.

К религии он был абсолютно равнодушен. Никакие религии его не волновали — разве только если они были красивы в литературном отношении. Вот почему он так много увлекался античностью.

— Насколько мне известно, вы, Александра Ивановна, ведь помогали Константину Константиновичу в работе?

— Чем могла, я, конечно, помогала. У К. К. была такая манера. После выхода книги он сразу начинал всю её переписывать. Так, например, он переписал значи-

тельную часть «Козлиной песни». Экземпляров с дополнениями и исправлениями К. К. было несколько. Я переписывала их своей рукой, потому что у меня был более чёткий почерк, чем у него. Один из таких экземпляров продали знакомые, которым я давала свои книги на сохранение. К. К. переписывал и другие свои книги. А к более ранним относился критически. Экземпляр «Путешествия в хаос», который он мне подарил и который хранился на моей полке, он однажды у меня взял и скжёг его.

«Это очень плохие стихи», — объяснил он мне потом.

— Кто бывал у вас в доме? С кем Константин Константинович больше всего дружил в эти годы?

— Близкими его друзьями стали Аристид Иванович Доватур, Андрей Николаевич Егунов, Николай Васильевич Болдырев. О них о каждом надо отдельно много рассказывать. В последние годы он много общался также с Соллертинским и с Клюевым, который потом исчез. Клюев любил Костю, часто бывал у нас до своего исчезновения. Я помню, как Клюев рассказывал, что когда решили вывезти из Соловков всех, кто там сидел, в другие места, то оказалось, что они сделали там изумительный музей. Собрали старые иконы, всякие церковные архивы. И вот всех узников увезли, а Соловки отдали Морскому ведомству. Приезжает адмирал — прошёлся, увидел все эти витрины с иконами, книгами и приказал бросить всё в реку, и иконы плыли по воде. Вода приносила их на берег, а жители встречали колокольным звоном. Клюев этому сам был свидетель.

Клюеву очень нравилась икона Любови Алексеевны (матери Вагинова.— С. К.). Она была вышита жемчугом. Как писатель К. К. Клюева интересовал. Я ставила чай, и они много беседовали о своём.

Несколько раз бывал у нас М. А. Кузмин. Нередко навещал его и сам Костя. Он говорил, что тот ужасно живёт, никому не нужен, тоскует. Но он не был учеником Кузмина, каким его иногда считают. Поэзия Кузмина даже и не была ему особенно близка. Но К. К. любил беседовать с ним о старине. Кузмин мог рассказывать о старине, которой мы не застали, — прежде всего о литературной старине, конечно. Ко мне он был очень любезен. Однажды Кузмин спросил меня: «Какие книги вы собираете?». У меня самой была только небольшая полка, и я собирала только небольшие книги. Я ответи-

ла: «Маленькие». Он достал свой небольшой стихотворный сборник и надписал мне. Кажется, это был сборник «Форель разбивает лёд». У меня были и книги Гумилёва с надписью, но всё это пропало во время войны.

Друзьями К. К. были Зоя Никитина, которая очень помогала ему в издании его книг (она тогда занимала какой-то высокий пост в Издательстве писателей в Ленинграде), Мария Константиновна Неслуховская (Тихонова).

Дружен был К. К. и с М. М. Бахтыным. Тот был такой умный, что я не смела сказать с ним двух слов. А К. К. много разговаривал с Бахтыным. Мы бывали у него чуть ли не каждый день. Он тогда увлекался Конфуцием и, помню, часто говорил о том, что люди обсуждают только других, потому что только других видят, а себя не видят. У Бахтина была очень молодая жена Леночка, совсем ещё девочка. Помните, у К. К. такие строки: «На узких полках книги, — На одеялах люди — Мужчина бледносиний И девочка жена» (из стихотворения «Два пёстрых одеяла».— С. К.). Это Бахтин и Леночка.

Нередко мы бывали в гостях и у Ма-

рии Вениаминовны Юдиной, пианистки. Помню, у неё на Дворцовой было несколько ангорских котов и стояли два рояля. Она в то время была страстью почитательницей Франциска Ассизского и носила рясу из чёрного бархата. К. К. она очень любила. Помню, как однажды мы ходили с К. К. на спектакль, на который нас пригласил режиссёр Сергей Эрнестович Радлов.

— Правда ли, Александра Ивановна, что многие знакомые обиделись на Константина Константиновича за то, как он изобразил их в «Козлиной песни»?

— Не все, но некоторые действительно обиделись. Больше всех, конечно, Л. В. Пумпянский. Узнав себя в Тептелкине, он возмутился и в письме к К. К. требовал уничтожить книгу (совсем как Ку-Ку в «Трудах и днях Свистонова». — С. К.). Но вот Мария Вениаминовна Юдина, которая была с ним дружна с детства, убеждала его в том, что он совершенно напрасно обижается на К. К. Однако тот её не послушал, поссорился на этой почве с Бахтиным, а К. К. возненавидел и прервал с ним всякие отношения. Он считал, что К. К. поступил с ним подло. При встречах Пумпянский отворачивался, а жена его, не разделяя его возмущения, улыбалась. Пумпянский был изумительный переводчик и блестяще переводил прямо с листа. Летом он одно время, совсем как Тептелкин, жил на даче с башней в Петергофе, и мы с К. К. там его навещали. С Юдиной он дружил с детства и всё-таки из-за этого с ней поссорился. Слегка обиделись, конечно, и Всеялод Рождественский (Троицын), и Павел Лукницкий (в «Козлиной песни» Миша Котиков), и С. Колбасьев (Свечин).

— Не могли бы вы, Александра Ивановна, сказать несколько слов о прототипах других романов Вагинова?

— Я забыла вам сказать ещё об одном необычном знакомом К. К.— японце Наруми-сан (известный японский филолог-руссист Наруми Кандзо, именем которого названа библиотека при государственном университете «Хитоцубаси». — С. К.). Он преподавал в университете японский язык и нередко заходил к К. К. Его очень интересовал «Петербург» Андрея Белого. И они много беседовали о языке Белого, вообще о русском языке. Он бывал у нас чуть ли не каждую неделю. Не понять было, сколько ему лет, потому что он, например, помнил Анну Павлову.. И К. К. с большим интересом с ним беседовал.

— У К. К. был особенный интерес к Востоку?

У него был обострённый интерес ко всему. Больше всего к книгам. Он приходил домой, брал с полки книгу, и у него даже менялось лицо. Но и книги как будто бы не принесли ему всего, чего он ждал от них. Он как будто бы даже разочаровался в книгах. И эти строки из «Звукоподобия»: «Петрарка,Faust, иммортели И мемуаров рой» — они как-то горько звучат.

— Расскажите, пожалуйста, о последних годах жизни Вагинова.

— У меня были две сестры, и обе они умерли от туберкулёза. Старшая дала обет безбрачия и всю первую мировую войну проработала операционной сестрой. После революции наступил голод, у неё было ужасное количество больных — одних тифозных 150 человек. Она приходила домой и валилась с ног от усталости. Ей дали отпуск только за две недели до её смерти. У неё остался небольшой кусочек лёгкого, остальное съел туберкулёз. Другой сестре в игре молодой человек случайно сломал ключицу. Кость пронзила лёгкие, они загнили, и она умерла. Это было в 26-м году. Поэтому, когда у меня в 27-м году заболело горло, то К. К. на всякий случай повёл меня к врачу. А меня тогда уже удивляло, что он как-то странно спал. Я даже не могу вам сказать, в чём дело. Это был какой-то некрепкий, возбуждённый сон. И вот врач мне сказал: «У вас не туберкулёз, у вас застарелая ангин. А ваш муж смертельно болен — его спасти нельзя. У него каверна напротив сердца и поэтому наложить пневмоторакс нельзя».

— И уже в 27-м году он знал, что обречён?

— Знал. Каждый год его посыпали во всякие санатории. Вот с Медвежьей Горы — это где-то под Ленинградом — он приехал особенно посвежевший. Он там собирал всевозможных чудаков для «Гарпагонианы». Там были даже и преступники, и воры, и он со всеми ими много беседовал. Лечился он и где-то под Лугой.

Туберкулёз нужно лечить в том районе, где человек заболел. А тогда этого не знали, и его всё время посыпали на юг. Последний раз его послали в Крым, в Ялту, и он сбежал оттуда, потому что там всем накладывали пневмоторакс, но не золотой, а простой, и очень многие умирали. Когда он вернулся в Ленинград, я сразу положи-

ла его в больницу — кажется, в Мечниковскую. И его очень внимательно вела врач. Но он вдруг сказал: «Довольно, бери меня домой, больше я здесь лежать не буду». Я поговорила с врачом, и она мне сказала: «Состояние его безнадёжное, но я всё-таки буду навещать его». И она действительно приезжала.

Когда он вошёл в квартиру, он подошёл к зеркалу и сказал: «Ну, хватит. Погуляли. Теперь я ложусь. Больше никуда не поеду, и мне никого не надо. Не пускай ко мне никого — ни мать, ни брата». И в самом деле он никого не пускал, даже отца, когда тот приехал из Новгорода. Отец и мать были в соседней комнате и не смели войти.

У него были безумные боли. К. К. навешала только Марья Константиновна Тихонова, которая его очень любила. Она приходила каждый день и просто сидела в стороне, а иногда с ним разговаривала. А потом я вдруг увидела, что у него появляются седые волосы и он очень странно смотрит. Я поняла, что туберкулэз дошёл до мозга. Плакать я боялась. Но это было очень страшно. И я поняла, что это конец. Когда в очередной раз пришла его врач, а К. К. уже умер, она села и горько заплакала у постели.

— Александра Ивановна! Если К. К. так рано узнал о своей смертельной болезни, то, вероятно, оставшиеся ему годы он старался успеть написать как можно больше из того, что было им задумано?

— Да, он просил меня править, записывать, и я всё делала. Он очень хотел закончить «Гарпагониану», но не успел. Каждый день он мне два часа диктовал. Но последние дни уже не мог работать. Он был весь седой, у него были безумные головные боли. И один раз он как-то повернулся ко мне и очень долго пристально на меня смотрел. Отчуждённо как-то. Наверное, он и зрение терял. Я 11 суток не могла спать. Это всё было очень тяжело и страшно. На похоронах у него был Д. Д. Шостакович.

— Вам не казалось, что в последние годы К. К. тяжело переживал те изменения, которые происходили в общественной атмосфере?

— Он видел, что у него на пути стоит его отец. Он говорил: «Это ужасно знать, что твоего отца считают врагом родины». У Константина Адольfovича был приятель — тоже старый отец, который приходил к нему, исключительно порядочный человек. И вот у них у обоих было постоянное чувство тоски. Они всё ждали, что их расстреляют.

— Не думаете ли вы, что останься Вагинов в живых, его также постигла бы нелёгкая судьба?

— Скорее всего. Ведь я же рассказывала вам о том, как после смерти Кирова была сослана, а затем там уже вызвана в НКВД и больше не вернулась мать К. К. Как его отец поехал за ней и также пропал без вести. Как чуть не арестовали меня по тому делу, по которому был арестован Заболоцкий?

После ареста Любови Алексеевны я продолжала жить в той же квартире. И ко мне приходили с обыском. Пришли и велели все книги сбросить с полок. Когда я сбросила, велели ставить всё на место.

«Зачем это было нужно?» — спросила я. Мне ответили: «Вот так у одного на полках между книгами лежал револьвер». Я им сказала: «Так это, наверное, человек держал на случай воров». В другой раз следователь приходил в библиотеку Дома писателей и допытывался у меня, кто вчера в читальном зале рассказывал анекдоты. А я даже не в читальном зале тогда работала, а на обработке книг. Тяжёлые настали времена. Но не для меня одной — для всех.

*Вступление, интервью подготовил
С. Кибальник*

